

евгений гришковец
ГОД ЖЖИЗНИ

ЖЖИЗНЬ

Евгений Гришковец

Год ЖЖИЗНИ

«Автор»

Гришковец Е. В.

Год ЖЖизни / Е. В. Гришковец — «Автор», — (ЖЖизнь)

Книга основана на Интернет-дневнике Евгения Гришковца. Этот текст почти документ. Год жизни. Нормальной человеческой жизни, с волнениями, переживаниями, радостями и огорчениями, фильмами, музыкой, переездами. Всем тем, что и является жизнью. Всего год, или целый год. Так же, как и у Вас.

© Гришковец Е. В.

© Автор

Содержание

Предисловие	5
13 июня	6
9 июля	7
16 июля	8
16 июля	9
23 июля	10
31 июля	11
1 августа	12
3 августа	13
15 августа	14
21 августа	15
29 августа	16
31 августа	18
6 сентября	19
12 сентября	20
27 сентября	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгений Гришковец

Год ЖЖизни

Предисловие

Перед вами книга, которую я как книгу не писал.

Чуть больше года назад, совершенно не понимая, зачем и почему, а главное, не зная как, я начал вести свой Живой Журнал. Это случилось в известной мере по совету и настоянию друзей и коллег. По этому поводу у меня было очень много сомнений и, должен сказать, что сегодня этих сомнений у меня ничуть не меньше, если не больше. Нужен ли этот Живой Журнал, каким он должен быть, что для меня этот дневник в Интернете, нужен ли он мне, нужен ли он его читателям, не вреден ли он мне как писателю, не размывает ли он каких-то таинственных писательских рамок, не нарушает ли он ту самую дистанцию между писателем и читателем, которую размывать и нарушать нельзя? Я этого не знаю. Я задавал себе этот вопрос много раз и не знаю ответа. Но тем не менее дневник уже существует. А теперь есть и эта книга.

Я никогда в жизни не вёл дневник, никогда не делал путевых заметок, хотя очень много перемещался по стране и миру. При этом я с большим удовольствием читал и продолжаю читать дневники, переписки и заметки о путешествиях разных авторов, в основном, конечно, авторов прошлых эпох. Помню, с каким наслаждением и не без труда читал «Письма русского путешественника» Карамзина.

Знаете, я был совершенно уверен, что никогда не буду писать путевых заметок и никогда не буду вести дневник. Но проживя год вместе со своим Живым Журналом и с теми, кто его читает, я вдруг понял, что, не желая того, написал и путевые заметки и целый год вёл дневник. Оказывается, сегодня дневник может выглядеть так. Этот дневник не похож на потёртый блокнот, исписанный то ручкой, то карандашом, с какими-нибудь рисунками на отдельных страницах. Сегодня этот дневник представляет собой светящийся экран компьютера, который вмещает в себя много фотографий, объёмных информационных ссылок, а иногда даже исполняет музыку.

Но перед вами книга. У книги всё-таки другие задачи, чем у Интернет-дневника. То, что вы держите в руках, прошло обработку как временем, так и редактором. Как ни странно, но мне интересно было прочитать эту книгу. На бумаге всё выглядит иначе. Очень многое вспомнилось. Очень многое захотелось дополнить или уточнить. Но всё-таки эта книга почти документ. А такие документы править или дополнять нельзя.

В этой книге хорошо видно, как я осваивался в Интернет-пространстве, как долго и даже мучительно выбирал стиль и язык высказываний в Интернете. Видно, как упорно и наивно я на чём-то настаивал и продолжаю настаивать.

У меня нет уверенности в том, что эту книгу надо было издавать, равно как и нет уверенности, что нужно продолжать вести свой Живой Журнал. А еще у меня нет никакого представления о том, к чему это всё приведет, и какие это для меня лично и для моей профессии будет иметь последствия. Но пока мне это интересно. Пока в этом для меня есть настоящая страсть, желание и возможность быть открытым, по возможности честным и в этом упрямым.

Я впервые держу в руках задокументированный год своей жизни. Предлагаю вам это почитать. А вдруг понравится (*улыбка*).

Ваш Гришковец

13 июня

Сегодня был чертовски трудный день. Среда, тринадцатое. Много плохих новостей, хозяйка квартиры повысила квартплату и прочее... Но лучшее, что сегодня было, это: я сегодня поспорил с другом и проспорил. Имеется в виду спор, когда пожимают руки и разбивают. Препираюсь я частенько, а вот не спорил давно. Сидели с товарищем, пили кофе и заспорили по поводу одного фильма. Я утверждал, что этот фильм снимал Ким Ки Дук, а он – что Такеши Китано. Фильм тот мне не понравился, поэтому я думал, что снимал Ким Ки Дук. И мы поспорили. Товарищ предложил, чтобы проигравший вышел на Спиридоновку и поцеловал первую встречную женщину. Обязательно первую встречную и обязательно поцеловал. Я тут же согласился, потому что был уверен, что выиграю. Позвонили знатокам... И я пошел на Спиридоновку. Не могу сказать, что я сильно боялся, просто настроение было не целовальное. А друг шёл за мной, как волк, и злорадно наблюдал. Он полагал, что это очень сложное задание. Народу в три часа дня на Спиридоновке мало, а женщин не было вовсе. И вот наконец-то появилась издалека дама: в годах, с причёской и в тёмных очках. Да, и вся в чёрном. Я пошел ей навстречу и спросил: «Можно ли вас поцеловать?» Она от меня шарахнулась и спросила с сильным акцентом, говорю ли я по-английски. Задача усложнилась и тем самым меня обрадовала. Тогда я сказал на своём вполне среднем английском, что сегодня очень счастлив и мне просто необходимо её поцеловать, потому что я так загадал. Она спросила: «Are you really happy?» Я сказал: «Да! Очень». Тогда она сказала: «Come on». Я поцеловал её три раза, в щёки, разумеется. Она спросила, почему три, а я ответил: «Вы что, забыли, мы в России!» Она посмеялась, пошла было восвояси, прошла три шага, остановилась, повернулась и без разговоров поцеловала меня в щеку. И ушла не оглядываясь и помахивая рукой. Мой друг был счастлив оттого, что выиграл. Я был счастлив оттого, что проиграл. Англичанка, наверное, была счастлива оттого, что встретила с непостижимой русской душой.

Это я всё к тому, что препираться не стоит, а поспорить с товарищем можно. Разыграть кого-нибудь. Выдумать что-нибудь бессмысленное и бесполезное, шалить. Особенно в неприятные, длинные и наполненные плохими новостями дни.

9 июля

У меня наконец-то нашлась общая любовь и интерес с моей дочерью Наташей. Ей одиннадцать лет, скоро двенадцать. И у нас есть НАША тема – творчество великого и прекрасного Хаяо Миядзаки, японского художника и автора мультфильмов. Люди моего возраста и немного помоложе наверняка помнят японский мультфильм «Корабль-призрак». Я посмотрел тогда этот мультфильм раз, наверное, пятнадцать. Первый раз – с отцом, и папа потом пошёл со мной смотреть его ещё. И на некоторое время это была НАША тема. Мне тогда было лет десять-двенадцать, точно не помню. Для меня было очень важно, что папе интересно то, что так интересно мне. И ещё я видел, что ему тоже очень нравится. А теперь у нас есть НАША тема с дочерью.

Долго я пренебрежительно относился к аниме, разным манга и прочим покемонам и даже подумывал о том, чтобы запретить дочери смотреть бесконечные мультфильмы про людей с большими глазами. Но пару лет назад увидел фильм «Унесённые призраками» (вариант перевода «Унесённые духами») – и полюбил. Изучил всё творчество. У него не очень большая фильмография, у этого Миядзаки, но также есть выдающиеся картины, сделанные им вместе с учениками. Не всё одинаково сильно, но всё прекрасно – и очень странно. Особенно фильм «Это было ещё вчера» (вариант перевода «Капельки воспоминаний»), в переводе Гаврилова. Аналогов этому фильму, наверное, нет. Ну может быть, наш старый чёрно-белый фильм «Серёжа», который снимал совсем молодой Данелия. У Миядзаки герои всегда девочки, от пяти до тринадцати-четырнадцати. Я не видел, чтобы так точно кто-то смог передать суть жизни маленькой девочки. На третьей минуте фильма забываешь, что это делали японцы про японцев.

16 июля

Я почти закончил книгу «Следы на мне». Обычно я пишу зимой и новые спектакли делаю зимой. Впервые так усиленно и долго работаю летом, чувствую, как лето не совпадает с писательским трудом. Есть всё время грустное ощущение того, что лето утекает сквозь пальцы, а нужно что-то делать летнее, весёлое. Но я тут же задаю себе вопрос: а что летнего, весёлого ты хочешь? Рыбалку? Нет. Футбол? Нет. Что, что ты хочешь? И сам себе отвечаю: я действительно хочу писать, и как можно скорее закончить эту книгу. Мне нравится её писать, но летом срывает ощущение того, что нужно что-то успеть совсем другое. Успеть порадоваться жизни, отдохнуть и повеселиться. Как отдыхать? Как веселиться? Не знаю. Но это летнее ощущение сильно тревожит и мешает. А книжка выйдет в срок, она будет небольшая, из десяти рассказов. Формально у этих рассказов будут признаки мемуарной литературы, но это будут не мемуары, это будет литература. Кому нужны мои мемуары? Они даже мне не нужны. Книжка выйдет скоро, в сентябре, то есть лето уже скоро кончится. Чёрт возьми, как же быстро оно течёт сквозь пальцы!

16 июля

Вчера посмотрел вместе со всем семейством «Крепкий орешек.4» Всё-таки есть в этом мире какая-то стабильность. А стабильность так необходима. Если б я был чиновником от культуры, дал бы Брюсу Уиллису звание заслуженного артиста России. А после «Орешка.5» – народного. Сколько людей в нашей стране знают, любят, а то и просто обожают старину Брюса. Самое главное в нём то, что он такой неуклюжий герой. Отовсюду падает, все его бьют, весь порезанный, в последнем «Орешке» его даже прострелили. Но он побеждает. Грязный, избитый, потный, совсем не молодой, но побеждает. Надо дать заслуженного артиста! А потом народного! Сколько у нас народных, которых никто не знает, или знают, но не любят. А тут я со всем семейством пришел в кинотеатр, а в зале сидит много таких семейств, и все смотрят, и всем хорошо. А вечером, перед сном, я даже помечтал сыграть в кино что-то такое же... прямо как в детстве.

23 июля

В Калининграде погода опять испортилась. Самая писательская погода: дождь и прохладно, настроение печальное. Пока не начал писать книги, даже не знал, что заканчивать книгу очень грустно, и ещё есть ощущение, что книга заканчивается сама, то есть не я её заканчиваю, а она сама заканчивается, и становится очень грустно.

У меня есть два коротких текста для бесконечного мегатекста под названием «Настроение улучшилось»: этот текст состоит из бессчётного числа эпизодов про улучшение настроения без применения химических препаратов.

1. Случается, встанешь в очередь в кассу, а кассы две, и очереди длинные. Стоишь и видишь, что соседняя очередь движется быстрее, ну и думаешь: чёрт возьми, опять встал не в ту очередь, надо было встать в другую, а ещё лучше было занять место в обе. Настроение ужасное, и твоя очередь едва ползет... И вдруг – раз, одна касса закрылась, и совсем даже не та, в которую стоял, то есть, оказывается, ты стоял в правильной очереди. И настроение улучшилось!

2. Бывает, выдастся летнее воскресенье, и вроде погода хорошая, дождь обещали, а он не пошёл. И всё как будто неплохо, просто настроение дурацкое. Сидишь дома, ничего хорошего придумать не можешь. Все друзья куда-то поразъехались. Пытаешься читать книгу, – не читается, пытаешься что-то обдумывать – не обдумывается. А ещё с самого утра по комнате летает муха, здоровая такая и ужасно вёрткая. Только начнёшь читать книгу – она зажужжит. И главное, не садится на такое место, где её можно было бы прибить. Или в окно начинает биться, ты к окну – она от окна. В конце концов, ты уже ни о чём думать не можешь, только об этой мухе. Но всё-таки ты успокоился, притаился у окна, за шторкой, и муха прилетела, стала биться в окно, тут ты её – раз ладошкой – и прижал к стеклу. Прижал, подержал и придавил, и даже почувствовал, как она слегка хрустнула под пальцами. Потом брезгливо, двумя пальцами, взял за крылышко, отнёс в туалет, бросил в унитаз, смыл воду... Стоишь, моешь руки прохладной водой, а настроение улучшилось!

31 июля

Какая всё-таки странная и сложная штука – текст. Стоит его чуть-чуть видоизменить, например, неправильно разбить на абзацы или главы, и он обретает совершенно другое значение. Это в театре: сказал не то, понял, извинился и сказал как надо. Потому что в театре у тебя есть глаза, голос, жесты, возможность сделать паузу или наоборот, ускориться до предельной возможности. А текст – это буквы, слова, и каждый сам решает, с какой скоростью ему это читать. Так что композиция текста и даже его графика – очень важные и требующие постоянного изучения вещи.

Я уже давно понял, что мне очень хочется быть понятным. Прямо непреодолимое желание высказаться так, чтобы было понятно. И я радуюсь, когда узнаю, что достиг своей цели.

Я учился когда-то в Кемерове в школе с английским уклоном и совершенно не понимал, зачем изучаю английский язык. Я не думал, что у меня будет когда-нибудь шанс поговорить с кем-то по-английски. После школы, в университете, английский нам преподавали очень плохо, три года на флоте обошлось тоже без английского. Короче, спустя много лет после школы я попал в Берлин, и мне пришлось говорить по-английски. Не на уроке, а так говорить, чтобы поняли. Я помню этот момент, когда заговорил на другом языке и был понятен другим: то-то было счастье! А оказывается, по-русски понятно говорить, – а уж тем более писать – намного сложнее. Английский я знаю плохо, поэтому мне легко на нём говорить. А в русский забираюсь всё глубже и глубже, и становится всё сложнее и сложнее.

Вот есть загадка: «Без окон, без дверей, полна горница людей». Из текста совершенно не следует, что это огурец. Текст не даёт ни единого шанса понять или хотя бы догадаться о том, что это. Но мы знаем с детства, что огурец. Многие поколения русских людей обманывают детей, когда это утверждают.

1 августа

Я вовсе не горжусь тем, что не владею компьютером, как гордятся многие, заявляя, что у них дома нет телевизора, что они не читают газеты или отказались от мобильного телефона. Мне компьютеры даже нравятся, особенно как они выглядят. Но я не владею. И знаю, что овладение компьютером – процесс вполне бесконечный, а я могу прожить и без этого. В школе я очень плохо учился по алгебре и по физике. Ребята, которых я не считал умнее себя, учились по этим предметам много лучше. Я по этому поводу какое-то время переживал, а потом перестал, ну не получалось у меня учиться хорошо по этим предметам.

Я очень люблю автомобили, но машину водить не умею. Учился, брал уроки вождения. Во время шестого урока в нас врезалась патрульная машина. Мой инструктор был не пристегнут и вылетел через лобовое стекло, я отделался легким испугом и несколькими царапинами. Мы были не виноваты, но это не имеет значения, просто с тех пор я боюсь. И ещё мне очень нравится во время езды в автомобиле смотреть по сторонам, всегда. Даже когда еду по самой знакомой дороге. Я понимаю, что водить машину не научусь, хотя это обычное дело и многие-многие миллионы, кто хорошо, кто очень плохо, но машины водят.

С компьютером та же история. Я не знаю клавиатуру, никогда прежде не печатал на машинке, так что пишу ручкой. С печатной машинкой у меня связано к тому же неприятное воспоминание. В юности я сильно травмировал указательный палец правой руки, долго носил гипс, месяца три. Делать ничего не мог, пытался писать левой рукой, получалось плохо. Тогда я решил освоить печатную машинку, тыкал в нее пальцами левой и двумя пальцами правой руки. Поскольку времени было много, пытался писать стихи. Стихи были ужасные. Мне приятно думать, что они были такими скверными из-за печатной машинки. В общем, не надо мне этого.

Я совершенно не горжусь тем, что компьютером не владею, но и волосы на голове из-за этого не рву. В конце концов, какой бы я ни был неграмотный, хоть и с посторонней помощью, я сижу в ЖЖ. И машина у меня есть, её прекрасно водит моя жена, и я по этому поводу не переживаю.

3 августа

В Эгейском море шторм. (Неплохо звучит!) Вчера скучали с друзьями вечером и рассуждали на тему сущности отдыха. Выясняется, что наука отдыхать весьма тонкая и сложная. Труднее всего выяснить – от чего отдыхать. Я-то уверен, что отдых нужен для того, чтобы соскучиться по дому, по работе и по повседневности.

И в связи с этим я вчера разработал маршрут очень быстрого и максимально недорогого отдыха: нужно сесть в поезд «Москва – Сочи», который прибывает в семь утра, в плацкартный вагон на боковую полку. Выхать надо в пятницу, в субботу в семь вы в Сочи. В гостиницу вам не надо, вещей у вас с собой нет. Сразу же находите место, где продают местное вино. Рекомендую «Изабеллу». Покупаете трёхлитровую банку и идёте на пляж. Пляж может быть любой, главное поторопиться. В восемь – начале девятого вы на пляже. Нужно быстро выпить два литра вина, в процессе пару раз искупаться. В девять – начале десятого вы пьяные – в ЖЖ... (Если ваш организм стойко переносит алкоголь, возьмите местного портвейна.) И вот, в состоянии сильного опьянения, нужно уснуть на самом солнцепеке. К двум часам вы просыпаетесь, сгоревший до пузырей, со страшным похмельем, которое даёт только «Изабелла», и солнечным ударом. Тут можно ещё окунуться в море, допить вино, попробовать съесть местный чебурек или шашлык. Главное, чтобы всё было жирное! Дальше сами понимаете, что с вами может произойти...

И тут вы спешите на вокзал, падаете в поезд. (Есть поезд, который уходит из Сочи в Москву примерно в шестнадцать часов.) Плацкарт, боковая полка. В понедельник вы на работе.

Вы на целый год сыты по горло ощущением путешествия в поезде. В море искупались, загорели так, что больше не хочется, южных вин попили, экзотической еды поели, всего получили в переизбытке, даже думать об этом тошно, а главное – сильно соскучились по дому.

Моим друзьям маршрут понравился, все посмеялись. Практично и существенная нотка ностальгии в этом есть.

А в Эгейском море шторм. Мы укрылись в маленькой бухте маленького острова. Скучно и прекрасно. Рыба не клюет.

15 августа

Как это ни удивительно, я сыграл около тысячи спектаклей в разных городах и странах. Есть уже и опыт и самые разнообразные навыки доведения спектакля до конца даже в экстремальных условиях. Я делаю театр, который не скрывает того, что это театр, то есть мой персонаж на сцене всегда обращается к тем людям, которые сидят в зале и отдают себе отчёт в том, что театр – это довольно странно и ситуация спектакля – нечто по крайней мере необычное. Поэтому и я, и мой персонаж, мы вместе видим и слышим всё, что происходит в зрительном зале и обязательно на всё реагируем. Когда играешь спектакль в зале почти на тысячу мест, может случиться всякое. Я не говорю про звонки мобильных, про появление в зале пьяных, сумасшедших, не говорю про сердечные приступы или приступы астмы. Случалось всякое. Я всегда на это старался отреагировать адекватно, спасти спектакль и никогда не гневался. Но когда во время спектакля отдельные зрители демонстративно встают и так же демонстративно, чтобы видел не только я, но и вся публика, уходят, я сержусь. Я какое-то время никак не мог понять причины своего гнева. Во-первых, такие демарши встречаются очень редко, во-вторых, рассуждал я, человек купил билет, и если ему не нравится, он может делать что хочет, в-третьих, если я вышел на сцену, то должен быть готов ко всему, ну и так далее... Это я всё понимал, но продолжал сердиться. И вот однажды, намеренно не буду говорить в каком городе, я исполнял спектакль «Дредноуты», и в самом конце спектакля из середины зала, из третьего ряда, встала пара в светлых одеждах. Высокий и очень полный мужчина и с ним молодая блондинка. Я в это время исполнял очень важный для спектакля фрагмент, к которому долго готовил зрителей и шёл сам. То, как они встали, и то, как выходили, было не просто покидание зала, это было выступление. Да ещё, уходя, блондинка сказала мне во всеуслышание: «Мой муж про эти корабли знает всё лучше вас». Ох, я тогда и отыгрался на этой паре, под одобрительный смех всего зала! Признаюсь, жестоко отыгрался. И тогда же понял, почему сержусь на подобные демарши. Мне в такие моменты обидно не за свой спектакль и даже не за то важное и дорогое, что в этих спектаклях для меня есть. Мне всегда обидно за атмосферу в зале, и ещё я не терплю наглости, наглость ничем не может быть оправдана.

Когда человек так демонстрирует своё пренебрежение, как сделала та пара в белых одеждах, он говорит не только мне и даже не столько мне... человек говорит всему залу: «Вы дураки, если сидите и смотрите этот спектакль, если смеётесь, аплодируете, плачете. Вы все тут дураки».

Я тогда понял природу своего гнева и счёл этот гнев праведным. Лично за себя я бы так гневаться не стал, но своих зрителей обижать не позволю никому. Хотя бы даже по той причине, что именно зрители и читатели оплачивают мою жизнь, покупая билеты и книги.

21 августа

Чувство отцовства – это необходимые мужчине чувство и опыт. Я совершенно уверен в том, что мужчине дети необходимы для того, чтобы (это странно прозвучит) жизнь была яснее и даже проще. Я имею в виду не упрощение, а скорее, ясность жизни. И ещё уверен, что мужчине с рождением детей тянуть нельзя. Мой опыт показывает, что если мужчина лет до тридцати пяти не подержал на руках своих детей, он либо уже не сможет ощутить радости отцовства, даже если у него появятся дети в более позднем возрасте, либо будет так сильно любить своих поздних детей, что залюбит их, изломает им жизнь и в итоге этих детей потеряет. Бывают исключения, но они редки.

Мужчине, которого можно назвать мужчиной, в сущности, нужно очень немного. Так естественно стараться и трудиться, ощущая, что ты трудишься ради детей, потому что трудиться для самого себя – это довольно стыдно. Детям тоже, в сущности, нужно не очень много. Но мужчине, который осознает отцовство как важное и ответственное жизненное дело легко и просто разобраться с жизненными ценностями. Мужчине важно о ком-то заботиться. А дети – это самый безусловный объект заботы. Дети – это те люди, которых можно и необходимо любить, чтобы они ни делали и как бы себя ни вели. И ещё мужчине важно, чтобы кто-то им гордился.

Отцовство очень упрощает и осмысляет жизненный процесс, оберегает от безумных и пошлых поступков и шагов, удерживает в равновесии. Потому что это так просто: нужно трудиться, быть сильным, порядочным, не окончательно самолюбивым и не быть законченным эгоистом, если у тебя есть дети.

Но это я говорю о тех, кто ощущает отцовство как важнейшую составляющую жизни.

Ошибки совершают многие, идеальных отцов нет и быть не может. И как же надо стремиться быть для своих детей близким к идеалу!

Отчётливо и остро помню мгновение, когда ощущение отцовства обрушилось на меня, и я в первый момент не справился с объёмом и силой этого чувства. Помню, Наташа уже родилась, мне уже показали её в окошко роддома, я знал, что у меня дочь. Помню, как забирал жену и дочь из роддома и как держал в руках тугой сверток. Всё это время я усиленно пытался понять и осознать, что теперь у меня есть ребёнок и что жизнь пошла по-другому. Но осознание не приходило.

Оно пришло, когда я впервые принимал участие в купании моей дочери. Отлично помню, что купали её на кухне в розовом пластмассовом тазу. Мне нужно было просто держать её голову. Я держал в ладонях маленькую, мне казалось, мягкую и совершенно беззащитную голову. Она легко помещалась в моих ладонях... Вот тогда меня и накрыло!!! И жизнь пошла по-другому.

29 августа

Я совершенно не ностальгирую по тем временам, когда писал письма и ждал ответа. Даже не по той причине, что основное количество писем я написал и получил, когда служил на флоте, а по тем временам не скучаю совсем. Просто я понял, и понял давно, что жизнь мудрее. Я прочёл в комментариях, что кто-то до сих пор пишет письма и посылает их в конвертах... Это, конечно, прекрасно и мило. Но я уверен, что это, скорее, романтические и приятные увлечения и некоторое стилистическое украшение будней. Жизнь теперь устроена иначе, её надо принимать спокойно и просто и радоваться её ускорению, а не наоборот.

У меня есть знакомый, мастер по изготовлению старинных инструментов, выдающийся специалист. В частности, он делает настоящие волынки и даже продает их английским и шотландским музыкальным коллективам. Однажды я был у него в мастерской и видел, что в качестве основы воздушного мешка волынки он использует обычную кислородную подушку, купленную в аптеке, которую потом обшивает мехом. А вообще-то волынки делаются из козьей или овечьей кожи и стоят они чертовски дорого. Я посчитал, что это надувательство и профанация – засовывать внутрь волынки резиновую подушку. На что мастер мне сказал: «Если бы у средневековых шотландцев была резиновая подушка, им бы и в голову не пришло делать волынки из недолговечных, капризных и рассыхающихся материалов». Эти слова меня совершенно убедили.

А ещё у меня недавно вышел очень нервный спор, в котором мы с оппонентом дошли до повышенных тонов. Спор, конечно, был о вкусах, о которых все только и делают, что спорят. Спорили о музыке. Тот, с кем мы спорили, мой ровесник, то есть ему тоже сорок. Он довольно богатый парень, очень много трудится и трудился. И он завёл типичную для сорокалетних песню о том, что раньше были такие группы, такая музыка, а сейчас, точнее, последние 15–20 лет ничего подобного и близко нет. Он сказал, что до сих пор слушает «Deep Purple», «Slade», «Sweet» и другую музыку той эпохи. Он собрал всё это, и у него огромная коллекция. Так делают очень многие мои ровесники, которые когда-то, как и я, просто умирали от этой музыки. Кто-то из них до сих пор терзает гитару, поёт бардовские песни, а кто-то по-прежнему следит за любым звуком и словом, которые издаёт Борис Борисович Гребенщиков. И все они с пеной у рта утверждают, что вот тогда было настоящее, а теперь всё только деньги и бессмыслица. Многие из таких моих приятелей до сих пор носят длинные, сильно поредевшие волосы...

В том споре о музыке мне удалось сформулировать то, что я об этом думаю и что сильно задело моего оппонента. Я сказал ему всего-навсего, что когда-то, когда ему было 14–20 лет, он так сильно любил музыку и так много тратил на неё душевных сил, и так много в ней находил для себя, что остался в уверенности, что та музыка самая лучшая. А потом просто разучился тратить на музыку душевные силы как прежде. А чтобы что-то любить, нужно внимательно к этому относиться, переживать, совершать душевную работу, короче, любить – это непросто. Он же после двадцати занимался совсем другим трудом. И продолжая, как ему кажется, любить музыку своей юности, он просто любит себя молодым, потому что растерял всякую возможность да и разучился слышать и воспринимать сегодняшнюю, хотя научился зарабатывать деньги. Я знаю людей, для которых «U2» являются лучшими на все времена. А теперь уже лысеют те, кто до конца будет любить «Djrkche mode».

Тогда же я сказал ему, что непонятно, в какой момент заканчивается юность, возможно, она заканчивается тогда, когда ты начинаешь ощущать кого-то юнцами и презирать то, что этим юнцам нравится.

Это я всё к тому, что самое сложное – стараться любить и принимать то, что есть, то есть то время, в котором живешь.

Музыка может быть либо хорошей, либо плохой – не важно, это попса, рок, металл... Главное – чтобы нравилась мелодия и слова были со смыслом... А с другой стороны – есть несколько песен, про которые я даже не понимаю, о чём они поются... и ведь всё равно нравятся и хочется слушать...

Мне кажется, что совсем не правильно жить музыкой. Хотя понятно, что многие из нас этим в 15 и занимались... Музыка – наш фон, даже самая хорошая, это объём наших впечатлений. Потому как если ты лишился своей любимой девственности лет в пятнадцать под «Pink Floyd», то, как ни верти, слушая эту музыку, любимую будешь рядом ощущать и в 35, хотя она уже сто лет как не та и не с тобой. Мы жизнь ту любим, а не музыку.

P.S. В комментарии я прочел, что одна женщина пишет и отправляет письма бабушке, которая сидит в тюрьме. В этом случае, конечно, письма пишутся не из лирических соображений. Сама ситуация: писать бабушке письма в тюрьму – уже поражает воображение. Жизнь не обманешь.

31 августа

Я давно уже убедился, что подлинное общение и настоящий глубокий, внимательный и требующий внимания собеседник – это большая редкость. Я очень стараюсь быть таковым с любым человеком. Самая большая трудность и испытание, которые есть в моей профессии, – это огромное число людей. Я как-то говорил своему знакомому, что за месяц гастролей встречаю и вхожу в контакт с таким числом людей, с каким до публичной жизни встречался за десятилетие. Когда на меня это обрушилось, я сначала не знал, что делать. Пытался учиться общаться формально или прятаться, или изображать из себя недоступного и молчаливого человека – не получилось, остаюсь прежним и от этого сильно устаю. Но формально общаться с людьми не буду даже пытаться.

Я недавно в Интернете и знаю, что есть люди, которые живут ЗДЕСЬ давно и невероятно активно. Догадываюсь, что для многих такая жизнь наполнена всеми возможными переживаниями. Наверное, кому-то кажется, что Интернет бездонен. И многие намекали мне на то, что в общении и жизни в Интернете есть свои особые законы. Я не претендую на знание этих законов, но о законах общения знаю, а они универсальны.

Бывают разные состояния. То стремишься вперёд, весь наполнен солнечным, энергичным, свободным настоящим, радуешься, и для тебя не существует ничего, кроме этого. А бывает вдруг защемит о чём-то потерянном, и загрустишь о серебристом, дождливом, нежном прошлом.

И то и другое – здорово переживать. И то и другое – богатство.

Мне страшно представить мир, в котором было бы только уверенное настоящее или только зыбкое прошлое. Пусть будут люди, которые стремятся к одному, и пусть будут те, которые стремятся к противоположному. Мы уравновесим друг друга, и будет здорово.

6 сентября

Никогда не забуду, как увидел в первый раз читающего мою книгу человека. Это было давненько. Тогда вышел сборник пьес очень маленьким тиражом, и как писатель я ещё не был никому известен. Зимой прогуливался по Петровскому бульвару и увидел пожилого московского дядьку в хорошем пальто с каракулевым воротником и в каракулевой же шапке-пирожке. Он сидел на скамеечке и читал книгу. Я проходил мимо, бегло на него посмотрел и подумал: что-то здесь не так. Прошел, приостановился и всё думал: что же не так? И вдруг понял: боже мой, а книжка-то моя! Я прошёл ещё подальше и стал следить за тем, как он её читает. А он перелистнул одну страницу, через пару минут другую, и вдруг смотрю – улыбается. Тут уж я не выдержал, подошел к нему и сказал: «Извините, а это моя книжка», – и он ответил: «Нет, юноша, это моя книжка». Я покраснел и сказал: «Конечно-конечно, просто я её написал».

Тогда целый день я был очень счастлив.

Позавчера был в Ялте, там открывался Ялтинский кинофестиваль, я выступал на открытии и сказал о том, что меня занимает: каждый чувствительный и мыслящий человек очень хочет быть героем художественного произведения. Не изобразить героя, не сыграть, а быть. То есть каждому хочется, чтобы его жизнь была достойна внимания писателя или кинорежиссера. Это нормальное желание. И также абсолютно нормальное желание – быть счастливым. Хочется же быть веселым, спокойным и любимым, успешным, здоровым и прочее. Но при этом хочется быть героем произведения. А герой счастливым быть не может. Герой всегда несчастен, одинок и чаще всего не знает, как жить. Вот так. Хочется быть героем и хочется быть счастливым. Два взаимоисключающих желания.

12 сентября

Вчера меня спросили во время интервью, не вызывает ли у меня опасений большое присутствие китайских издателей на Московской книжной ярмарке и как китайцы могут повлиять на книжную ситуацию в России. Я сказал, что опасения вызывает то, что китайцы начнут издавать книги на русском языке с большим количеством ошибок, но также выразил надежду, что китайцы сделают такие книги, которые можно сначала прочитать, а потом залить кипятком и съесть.

27 сентября

Был три дня в ЮАР, три дня в Зимбабве и три дня в Ботсване. Но можно сказать, что я был на другой планете. Это не первая моя поездка в Африку и, я знаю точно, не последняя. Эти дни я был сильно счастлив. Я давно про себя понял, что я не путешественник и не собиратель впечатлений, не коллекционер фотографий и не охотник за адреналином. Мне просто очень нравится в Африке, особенно в Ботсване, в дельте реки Окаванга.

Но хочу сказать про другое. Самое печальное, с чем приходится там встречаться, это представители белого населения планеты. Путешествие в Африку дело сильно недешёвое, и в основном в Африку ездят очень пожилые американцы и европейцы. Американцев больше... Громкоголосые, толстые, самоуверенные старики, одетые в камуфляж или хаки, в больших тяжёлых ботинках, в шляпах и с огромными фотокамерами. По ним видно, что они всю жизнь что-то продавали или были высокооплачиваемыми юристами... В общем, сплошные жулики, которые каждую субботу делают барбекю, пьют пиво и обсуждают своих соседей. На всех этих людях лежит тяжёлый отпечаток вырождения. И относятся они к местному населению... в общем, сволочи, изображающие добродушие. Мы там были самыми молодыми среди белых, про дочку Наташу я даже не говорю. За завтраком ко мне подошла одна американка с обычной своей фальшивой улыбкой и дежурным вопросом «Дид ю слип велл?» А потом она спросила, откуда мы. Я сказал. Она явно расстроилась. Потом спросила, чем я занимаюсь, на что я ответил, что я писатель. Она спросила, не слишком ли я молод для писателя. Я сказал, что, наверное, слишком. Ещё она спросила, пишу ли я для телевидения или для кино. Я сказал – нет, просто пишу книжки. Тут она совсем рассердилась, её фальшивая улыбка исчезла и она сказала: «Должно быть, вы очень известный писатель, чтобы здесь отдыхать». Настроение её окончательно испортилось, она вернулась к своему мужу, седенькому, придурковато улыбающемуся толстяку, и устроила ему сцену. Я был очень доволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.